

жала какъ разъ по дорогѣ за границу. Я думалъ, что одновременно со мною будутъ отправлены нужныя бумаги, но немного ошибся. Приѣхавъ въ Вильну, сталъ каждый день посѣщать канцелярію губернатора, и каждый день получалъ одинъ отвѣтъ: — „еще нѣтъ“. Наконецъ бумаги пришли; я обрадовался. подумалъ: „значить, получу паспортъ“; но не тутъ-то было; понадобилось навести справки: „нѣтъ ли какихъ-нибудь препятствій“. Запросъ объ этомъ долженъ идти къ полиціймейстеру, отъ полиціймейстера къ частному приставу, отъ частнаго пристава къ надзирателю и потомъ обратно тѣмъ же чередомъ вернуться въ губернаторскую канцелярію. Сталъ я ходить по канцеляріямъ — занятіе, по правдѣ, не совсѣмъ пріятное. То главного нѣтъ, то главный занятъ, то онъ велитъ ждать, то придти въ другой разъ, а тамъ воскресенье, праздникъ, табельный день, и т. д. Три недѣли прошло, и дѣло мое подвинулось только на половину — оно находилось въ рукахъ надзирателя. Разъ встрѣчаю стараго знакомаго; увидавъ мое кислое лицо, онъ спросилъ: — „Ты нездоровъ?“ — „Вовсе не то, а вотъ досада...“ и я рассказъ ему, въ чемъ дѣло — „Самъ виноватъ, — отвѣчалъ онъ: — еще понянчипься! не подмажешь — не поѣдешь“. — „Что ты хочешь этимъ сказать: надо взятку дать?“ — „Это по-вашему, а по-нашему: на чай, на водку...“ отвѣчалъ онъ съ насмѣшкою. — „Да, помилуй, какъ дать?“ — „Очень просто; бывалъ ты у доктора? Такъ и тутъ. Помни, и не будь дуракомъ“.

На завтра я пошелъ въ канцелярію къ надзирателю. Въ сѣняхъ, въ чуланѣ, кричалъ благимъ матомъ какой-то пьяный; онъ ругался и просился вонъ. Въ канцеляріи обыскивали только-что приведеннаго вора, который, между тѣмъ, нахально разговаривалъ, точно это не его касалось. Я подошелъ къ столу писаря и сказалъ ему, зачѣмъ пришелъ. Тотъ началъ цѣлый допросъ: „сколько вамъ лѣтъ? гдѣ родились? откуда ѣдете?“... Я понялъ, что онъ собирается затянуть дѣло, и предупредилъ его: сунулъ руку въ карманъ, вынулъ нѣсколько серебряныхъ монетъ и положилъ ихъ на столъ. Писарь посмотрѣлъ на меня, быстро закрылъ монеты бумагами и торопливо проговорилъ: „хорошо, хорошо“... Я не менѣе торопливо выбѣжалъ вонъ...

Докончу рассказъ о моемъ пребываніи въ Вильнѣ однимъ траги-комическимъ эпизодомъ. Помнишь, я въ прошломъ году привезъ сюда мой эскизъ „Нападенія инквизиціи на евреевъ“ и оставилъ его у своихъ родителей. Представь мой ужасъ, когда я увидѣлъ, что старуха-кухарка распорядилась съ нимъ по-своему: она сдѣлала изъ него курятникъ! Я былъ внѣ себя, а